Леонид Леонов

ВЕНОК ГЕРОЮ

Набатный колокол бьет на Руси. Свирепое лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон, да скулит ветер, пропахший горечью пожарищ, да шарит по развалинам многорукий иноземный вор...

Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократное Бородино отечественной войны. Утром шелестит газета в твоей руке, мой неизвестный читатель. И вместе с тобой вся страна узнает о событиях дня, с грохотом отошедшего в историю. Еще один день, еще одна ночь беспримерной схватки с врагом миновали. С благоговейной нежностью ты читаешь про людей, которые вчера сложили свои жизни к приножью Великой Матери. Кажется, самые тени великих предков наших обнажают головы и склоняют свои святые знамена пред ними. Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и мщенью заключен в громовом шелесте газетного листа!

И еще громче орудийных раскатов звучит в нем тихое и строгое, как молитва, слово Героя:

— За свободу, честь и достояние твое... в любое мгновенье возьми меня, Родина. Все мое: последний жар дыханья, и пламя мысли, и биенье сердца — тебе одной!

Многие из них уже отошли навеки к немеркнущим вершинам славы — воины или девушки и дети, женщины и старцы, принявшие на себя благородное звание воина. Нет, не устыдятся своих внуков суровые и непреклонные прапращуры наши, оборонявшие родную землю в годы былых лихолетий. Никогда не поредеет это племя богатырей, потому что слава героя родит героев. Там, в аду несмолкающего боя, стоят они плотным строем, один к одному, как звенья на стальной кольчуге Невского Александра. Весь свет дивится нынче закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия.

Нам знакомы тысячи знаменитых имен современников наших во всех областях мирной человеческой деятельности. Мы гордимся ими и каждого знаем в лицо. Славные машинисты и шахтеры, хирурги и сталевары, строители материальных очагов нашего счастья, изобретатели умнейших машин, мастера неслыханных рекордов, музыканты, художники, певцы... Ими, как ковром пестрых и благоуханных цветов, усеяны наши необъятные пространства. И вот мы услышали новые имена людей, которые в огне сражений или в бессонной партизанской ночи отдали себя Родине. Они стоят перед нами во весь свой исполинский рост, светлое солнце, без которого никогда — ни в прошлом, ни в будущем нашем — не цвели бы такие цветы на благодатной русской земле. Воистину непобедим народ, который родил их!

Сверкающей вереницей они проходят перед лицом Отечества. Опаляют разум картины их нечеловеческой отваги. Вот юноша-красноармеец заслоняет собою амбразуру пулеметного гнезда, чтоб преградить дорогу смерти и обезопасить идущих в бой товарищей. Вот сапер, когда разбило осколком его миноискатель, голыми руками, наощупь, в сыпучих сугробах по пояс расчищает перед штурмом минированное поле. Вот, приколов, как реликвию, поверх бушлатов клочки нахимовского мундира, идет в последнюю атаку севастопольская морская пехота...

Кто вырастил тебя, гордое и мужественное племя? Где ты нашло такую силу гнева и ярость такую?

Родина скорбит о павших, но забвенье никогда не поглотит памяти об этих лучших из ее детей. Грозен и прекрасен летчик Гастелло, который крылатым телом своим, как кин-

жалом, ударил в гущу вражеской колонны. Легендой прозвучал подвиг двадцати восьми братьев, которых сроднила смерть на подмосковном шоссе. Бессмертен образ комсомолки Зои, которую мы впервые увидели на газетной странице в траурной рамке. Вся страна пытливо вглядывалась в это красивое лицо русской девушки. Ни смертная мука, ни ледяная могила не смогли стереть с него выражение беспредельной решимости и прощальной улыбки милой Родине. Созвездия надо бы называть именами этих людей, смертью поправ их смерть!

Память народа — громадная книга, где записано все. Народ наш хорошо помнит причиненное ему горе. Не забудем ничего: ни детской слезинки над трупом заколотой немцем матери, ни поруганных наших святынь, ни вырезанной груди девственницы, ни даже сломленного в поле колоска!

Когда стихнет военная непогода, и громадная победа озарит дымные развалины мира, и восстановится биенье жизни в его перебитых артериях — лучшие площади наших городов будут украшены памятниками бессмертным. И дети будут играть среди цветов у их гранитных подножий и грамоте учиться по великой заповеди, начертанной на камне:

«Любите Родину свою, как мы ее любили...»

Но еще прежде, чем историки, скульпторы и поэты найдут достойные формы для воплощения беззаветных подвигов героев, а Отечество оденет в бронзу их образы, следует любыми средствами сохранить в памяти хотя бы самые незначительные их живые черты. Запомни их лица, друг! Запомни навсегда эту гордую, по-орлиному склоненную к земле голову Гастелло, и хмурые, опаленные пламенем неравного боя лица двадцати восьми, и строгий профиль Зои, и честный, простой, как небо Родины, взор партизана Володи Куриленко.

Мы не знали его в лицо, хотя он жил среди нас, скромно выполнял повседневную свою работу. Это обыкновенный человек наших героических будней. Трудно начертить спокойный его портрет нашими обиходными словами. Могучие воины, его овеянные славой соратники, не много рассказали о нем. Еще гремят поля войны, дорого каждое мгновенье, и скупо цедятся нежные слова.

Узнай же о нем, современник!

Вот он стоит перед тобой, Владимир Тимофеевич Куриленко, голубоглазый, русоволосый русский парень, совсем

юный. Он родился 25 декабря 1924 года. Семнадцать лет ему исполнилось в партизанском отряде, когда он умел уже не только стрелять, но и попадать в самое сердце фашиста. Он был как тот павший за родину в битве на Калке великолепный Даниил, о котором с предельной и сердечной ясностью сообщил летописец: «...был он молод, и не было на нем порока с головы до пят». И если любой, наугад взятый молодой гитлеровец — законченный пример средневековой низости, Владимир Куриленко — отличный образец честного, деятельного юноши нашей страны.

Итак, он сын учителя на Смоленщине. Восемь лет провел в школе. В нем рано проснулся дар организатора: он руководил ученическим комитетом, пионерским отрядом, потом комсомольской организацией. С малых лет его влекло к себе широкое океанское раздолье, где человек меряется со стихией волей и выдержкой своими. Но природа не поместила на Смоленщине седого и грозного океана, который грезился Володе. Все же Володя создал отряд «юных моряков», и уж, наверно, армады детских корабликов ходили по тамошней речке, и уж, конечно, адмиралом среди товарищей своих был этот статный и крепкий паренек...

Позже его в особенности влекла романтика военного дела. Хотелось ему также строить и изобретать. Он даже сердился на свою молодость, мешавшую ему поступить в Ленинградскую военно-инженерную школу... Он был принят туда 6 июня 1941 года,— все, даже самые мелкие, даты важны в этой краткой и такой емкой биографии. Уже сбывалась мечта... И не сбылась, разрушенная, как и миллионы других молодых мечтаний, вторжением фашистских громил. Ленинград был отрезан фронтом. Германская орда потекла на Русь. Юношеская склонность Володи к военным занятиям пригодилась,— больше того, она стала потребностью дня. Такова первая страница в анкете Героя.

Как быстро в военное время растут и мужают наши дети!.. Когда первые немцы появились в Володиных местах, где каждый кустик, каждую полянку он любил с не осознанной еще, детской привязанностью, он сразу занял свое место рядом со взрослыми. Отец Володи принадлежал к той замечательной категории народных учителей, которые собственным примером своим учат молодых граждан поведению в жизни. Тимофей Куриленко встретил гитлеровских посланцев пулеметным огнем, и два сына его, Владимир и пятнадцатилетний Геннадий, помогали ему при этом.

«Учитесь, учитесь, детки, этой азбуке войны, без которой пока нельзя быть спокойным за свое счастье на земле».

Это был новый вариант старинной и любимой уже песни о Трансваале, о родине, горящей в огне, и об отце, который повел своих юных сыновей бороться за свободу.

Засада Тимофея Куриленко изменила направление неприятельского удара. Свернув с намеченного пути, немцы наткнулись на регулярные части Красной Армии и были искрошены. Полтораста трупов и десятки разбитых машин — вот первое наглядное пособие, которое народный учитель показал своим сыновьям.

Несколько позже, в августе 1941 года, Володя самостоятельно организует партизанский отряд из ребят своего селения. Он сам становится педагогом в этой боевой школе. И вот наступает первый скромный урок — первая встреча с завоевателями, покорившими пол-Европы. Мальчики ложатся в засаду у дороги. Грузовая машина, громыхая железной посудой, проходит совсем близко. И вровень с нею стволы винтовок движутся в высокой траве. Ребята хорошо знают незваных гостей: это «доильцы», сборщики молока для германской армии. Кроме молока, они отбирают яйца, хлеб, мясо, вилки и ножи, сарафаны и ведра — доброму вору все впору. В особенности вон тот, что сидит поверх бидонов, знаком и ненавистен Володе: этот выдающийся мастер разбоя, отлично изучивший русский язык в пределах своей грабительской деятельности, давно заслужил добрую порцию партизанского свинца.

— Огонь! — сурово произносит мальчик.

Гремит нестройный залп.

Храпят тормоза, машина останавливается. Володя сердито кусает губы: «Эх, сколько промахов враз, да еще по такой мишени!» Выскочив, немцы залегли под откосом — все, кроме того, белесого, который медленно, оскалив зубы, сползает с бидонов. Какое розовое молоко хлещет сквозь щели автомобильного кузова! Жаркая перепалка. Необстрелянные Володины юнцы разбегаются с поля боя. Значит, это дается не сразу... Хорошо! Оставшись один, Володя припадает к пулемету: «Вот я их!» Одиночный выстрел, очереди не последовало. Второпях растерялся и сам командир: «Что это, поломка пулемета?» Он же сам чистил и разбирал его накануне... Полудетское замешательство: в мгновенье ока надо припомнить все, что проходили на специальных занятиях в школе. «Так почему, почему он не стреляет?..»

— Забыл, забыл...— шепчут губы.

Это похоже на экзамен, на грозный экзамен, где экзаменаторы — жизнь и смерть... В минуту затишья немцы вскакивают в машину. Володя снова хватается за винтовку — это проще. Ага, еще один свалился, точно нырнул в зеленую некошеную траву! А вот и фашистский офицер, согнувшись, хватается за живот.

— Смотри не обожги себе утробы горячим русским молочком, майор!

Шофер успевает завести мотор. И только теперь Володя понял свою ошибку: он просто забыл нажать предохранитель. Машина пускается наутек. Врагов гонит животный страх перед русскими партизанами. Закусив безусую губу, Володя посылает вдогонку длинную, не очень меткую очередь.

А вечером в укромном месте, где-нибудь в уцелевшем овине, состоялись занятия в отряде. Никто не глядел в лицо друг другу, и с недетской серьезностью звучал басок Володи:

— Ничего, товарищи! Учимся. Однако рассмотрим все-таки причины этой неудачной операции...

Конечно, он не бранил их; он всматривался в смущенные добрые лица крестьянских детей, искал слова поддержки, чтоб разбудить в них сноровку, стойкость и великую силу к сопротивлению. В конце концов, не мудрено, что случилась неудача. То была пора, когда вся страна училась давать отпор внезапному нападению врага.

Прославленная германская организованность, помноженная на массовый опыт всеевропейских убийств, примененная в гнусном деле разбоя и террора на нашей земле, казалась тогда черной и грозной силой. И Володя Куриленко знал, что этот первый урок еще пригодится им впоследствии.

Рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны. Родина поставила их в самое горячее место боя и приказала стоять насмерть. Кто бы узнал теперь в молодом и строгом командире с незастегнутой кобурой и гранатой у пояса мальчика Володю Куриленко, мечтателя и адмирала несуществующих морей? Хозяйская ответственность за судьбу страны легла на его плечи и как бы придавила их слегка. Суровая морщинка прочертилась меж бровей, тоньше и жестче стали возмужавшие губы и еще тверже сердце, познавшее радость мщения и горечь разлуки с павшими друзьями.

В сентябре фашисты высылают уже крупные карательные отряды против партизанских сил. Началась лютая охота немцев на непокорное и непокоренное население. Отряд Куриленко был окружен в деревне. Уже каратели идут по избам. Но командиру удалось проскользнуть сквозь самые пальцы ночной облавы. Несколько человек из отряда попадают в плен к фашистам. Приговор им вынесен заранее. Подобно прославленным восьми волоколамским комсомольцам-мученикам, они погибают на виселице.

Прощайте, юные мореплаватели, познавшие море жизни в самую грозную штормовую ночь! Может быть, вы стали бы капитанами дальних плаваний и прокладывали новые трассы в ледяных пространствах Севера... Веревка иноземных палачей оборвала вашу мечту. Запомни — они заплатят вдесятеро. И на стальных бортах новехоньких кораблей ваши имена много раз еще обойдут все моря Родины!..

Каратели трудятся. Питекантропы в гестаповских мундирах убивают и жгут. Пепел и слезы, слезы и пепел — вот удел занятых врагом областей. Ничего, они как споры ненависти, эти серые пеплинки: из каждой родится по герою. Дню всегда предшествует ночь... Партизанское движение в этом крае, кажется, совсем подавлено. Наступила черная осень 1941 года. Отступление Красной Армии. Первый снег кружится над поруганной землей. Знойно и тихо в этой искусственно созданной пустыне, отгороженной от мира огневой завесой разрывов. Куриленко возвращается к отцу в колхоз и снова на некоторое время становится прежним Володей. Он отбивается от усталости и разочарования, что невольно крадутся в сердце: «Ничего, выстоим, выдюжим! Не для того мы рождались на свет... и еще не спеты полностью наши песни!»

Тайком он устанавливает радиоприемник — пригодилась детская любознательность. Вместе с родными в темные ночи он слушает передачи из такой близкой и такой далекой теперь осажденной Москвы. Громче, громче бейте, часы на Спасской башне: миллионы преданных сердец слушают вас в эту ночь! А чуть забрезжит утро, Володя отправляется в путь с ломтем хлеба за пазухой. Он разносит слова правды, которую узнал ночью, по всем отдаленным местностям района. В сельсоветах знают, любят и ждут его. Куриленко становится живой газетой — трудное и почетное дело в условиях глубокого немецкого тыла и железных законов оккупации.

Идут месяцы. Декабрь. Могучие удары сибирских дивизий под Москвою. Они разносятся по всему миру, добивая глупый миф о непобедимости германских армий. Хмуро улыбается Жуков, и вытирает испарину с битой физиономии фон Бок. Фронт снова приближается к родным Володиным местам. Скоро, совсем скоро взметнется под ногами поработителей эта измученная, расковыренная земля. А пока таись и жди своего часа, гордый мститель Смоленщины. И часто, отправляясь с добрыми вестями по тайным тропкам в самые глухие углы, к друзьям, он останавливался где-нибудь на опушке леса, этот коробейник новостей, и, прищурясь, глядел на железнодорожное полотно.

Дни прибывали. Слепил глаза крепнущий снежный наст. Шел очередной поезд с убийцами из Германии. Усердно пыхтели паровозные поршни, и то ли зимний ветерок подвывал, то ли постылая немецкая песня сочилась сквозь железную обшивку вагонов. Вражеские рожи прильнули к окнам изнутри. Любопытно было поглядеть, среди каких таких восточных просторов и немереных русских лесов придется им сгнивать в недалеком будущем.

И, наверно, улыбался Володя, думал про себя: «Вот новая партия немецких покойников своим ходом, в живом виде, направляется к своим предназначенным могилам. Не вернется ни один, ни один! Что ж, спешите, бравые подлецы!» И кстати считал вагоны с живым и платформы с мертвым инвентарем, чтобы рассказать потом, кому следует, об этой встрече,— всякое знание полезно партизану.

...В январе не выдержало сердце. Володя уводит отца и брата в лес, в жгучую морозную неизвестность. Оказалось, там кочевал тогда отряд славного партизана товарища Ш.

Часть февраля уходит на разведку, на установление правильной связи с Красной Армией. Приходится много раз пересекать огневую линию фронта. У Владимира Куриленко накапливается богатый опыт диверсий, шлифуется мастерство партизанского действия. Ненависть к врагу — вот всенародная академия, где он получал свое партизанское образование. Теперь уже никакая внезапность не застанет его врасплох. Зрелость входит в его трудную и чреватую опасностями юность. Партизан всегда бьется с численно превосходящими силами противника. «Четверо против шестидесяти восьми? Ничего. Великая Мать смотрит на нас. Вперед!» И отступали, только израсходовав весь огневой запас.

Какое пламя гнева нужно было хранить в себе, чтоб не закоченеть в такие бездомные, метельные партизанские ночи!

Куриленко хватает времени на все, точно он сторукий. Все партизанские специальности знакомы ему. Вот дополз слух о том, что в одной деревне организован полицейский отряд для борьбы с партизанами. Володе дается поручение превратить в падаль изменников Родины, и он с друзьями выполняет приказ. Это он за каких-нибудь полтора месяца сообща с товарищами спускает под откос пять вражеских поездов с боеприпасами и живым солдатским грузом. Это он взрывает мосты на магистралях и сообщает нашему командованию данные о заторах, образовавшихся на путях. И стаи краснозвездных наших птиц расклевывают скопления вражеских эшелонов.

Порой кажется: юноша дразнит судьбу,— как будто не одну, а сотню жизней подарила ему Родина. И тут начинается широкая, как река, песенная слава партизана.

Умей расшифровать, увидеть в недосказанных подробностях сухую газетную сводку, современник! Это стенограмма народной войны. Сердцем патриота почувствуй, глазами брата прочти эти скудные записи в партизанском дневнике. Вот некоторые из них — скромная повесть о буднях партизана:

«2.III 1942 г. Владимир Куриленко с товарищем А. при возвращении в лагерь наткнулся на немецкую батарею. Пулеметным огнем скошено 2 артиллерийских расчета. Товарищ А. убит.

5.III 1942 г. Четверо, среди которых — Владимир Куриленко, вступили в бой с 68 фашистами. Убито три оккупанта, один ранен.

30.III 1942 г. Партизаны нашего отряда, Вл. Куриленко и бойцы отряда особого назначения, скинули под откос поезд между станциями Л. и К. Убито 250 фашистов.

10.IV 1942 г. Крушение товарного состава на дороге С.— Л. Одновременно подорвано соседнее железнодорожное полотно. Владимир Куриленко.

13.IV 1942 г. Подбита машина. Уничтожено 4 немца. Куриленко с товарищами.

14.IV 1942 г. На комсомольском собрании ответственным секретарем президиума ВЛКСМ избран Владимир Куриленко.

26.IV 1942 г. Еще один эшелон на перегоне К.— Л. спущен под откос тов. Владимиром Куриленко. Погибло 270 немцев. Взорваны паровоз и железнодорожное полотно на О. направлении».

В этих скупо обозначенных эпизодах ничего нет о стремительной дерзости, о высоком искусстве преодоления, казалось бы, непреодолимых препятствий, об особенностях партизанской жизни. Каждую минуту бодрствования или тревожного, урывками, сна находиться в окружении! И в самом кратком, почти бесцветном эпизоде от 13 апреля ничего не сказано про обстоятельства очередной схватки с противником. Приблизь к глазам эту скромную запись, современник!

Ранняя шла в том краю весна. Талая кашица стояла под снегом, почернелым и источенным, хрупким, как стеклянное кружево. Уже на возвышенностях, где днем пригревало солнышко, глубоко увязали ноги. Трое, во главе с Володей Куриленко, шли на выполнение боевой задачи. О, столько раз описанное в литературе предприятие и ни разу не описанное до конца! Мост. Река встала на их пути. Слабо мерцал в сумерках синий истончавший ледок, кое-где уже залитый водою. На задней кулисе туманного леска тревожно чернел силуэт самой цели. По зыбкому, гибельному льду, чуть схваченному вечерним морозцем, подрывники перешли реку. Оставался еще ручей; он клокотал и шумел всеми голосами весны. Пришлось перебираться вброд. К мосту подошли уже мокрые по пояс... Спокойно и деловито закладывали заряды, когда Миша, товарищ Куриленко, сигнализировал о приближении вражеской автомашины. Жалко было упускать и эту маленькую цель. Здесь, в глубоком затоне ручья, было достаточно удобное место для засады. Трое залегли в воду. Только глаза, злые и зоркие глаза их оставались над поверхностью...

Мы не знаем, как тянулись эти минуты ожидания. Те, которые еще бьются с врагом на Смоленщине, расскажут потом подробнее про этот вечер. Наверно, пронзительная тишина стояла в воздухе. И, может быть, Володя спросил шепотом, чтобы шуткой поддержать товарища:

— Что, не промок, хлопец?

— Кажется, коленку замочил ненароком,— шуткой же отвечал тот.— А что?

— Ничего... Смотри не остудись. Этак и насморк можно заработать.

Ближе стеклянный хруст ледка в подмерзших колеях. Вот и свет фар показался на дороге. Кто-то шевельнулся в засаде. Желтые латунные блестки пробежали зыбью на воде.

— Начнем с гранаты, хлопцы!

Трудно кидать эту чугунную игрушку закоченевшей рукой. Но не промахнись, партизан,— их больше!

Взрыв — и мгновенье спустя басовитое одобрительное эхо вернулось от леска к засаде Куриленко. Машину почти сошвырнуло с дороги, но она еще двигалась. «Теперь стрелять...»

Четырех убили, пятерых ранили; безотказно действовал ППД. Из строений ближней МТС, где расположились немцы, уже бежали, галдя и стреляя наугад, полуодетые фигуры солдат. Обшарили, прострочили всякий кустик, черневший на берегу, но все было недвижно: и вода, и мертвые солдаты на завоеванной ими земле, и дальний лесок, охваченный чутким безмолвием весны.

Она вступила в свои права, весна. Повеселели лужки на припеках; тонким, почти бесплотным туманцем окутались рощи. И птицы, каких еще не разогнал орудийный грохот, шумели иногда в лесных вершинках. Подступала пора великих работ на земле; и не было их — мешали немцы. Злее становились удары исподтишка, в затылок врага. И ровно месяц спустя после памятной операции наступил отличный вечер, уже проникнутый тончайшим ароматом целомудренной русской флоры. Снова отправлялись в путь партизаны, и опять их было трое, с Куриленко Володей во главе. Теперь они свою взрывчатку заложили под железнодорожное полотно и терпеливо ждали, как ждет рыболов своей добычи на громадной и безветренной реке.

Сбивчивые стуки пошли по рельсам; земля подсказала в ухо партизану: «Пора!»

Володя выждал положенное время и крутанул рукоятку своей заветной машинки. И тихий русский вечер по-медвежьи, раскорякой, встал на дыбы и черную когтистую лапу взрыва обрушил на вражеский эшелон. Гаркнула тишина, вагоны с их живой начинкой посыпались под откос, вдвигаясь один в другой, как спичечные коробки. И где-то невдалеке трое юношей — исполнители казни — наблюдали эту страшную окрошку из трехсот гитлеровцев.

— Люблю большую и чистую работу,— сквозь зубы процедил Владимир Куриленко и повернулся уходить.

Он был веселый в тот вечер. Легко и вольно дышалось в майском воздухе. И хорошо было чувствовать, что Родина опирается о твое надежное комсомольское плечо. Они шли молча, и необъятная жизнь лежала перед ними в дымке юношеских мечтаний. На ночь они расположились в деревне, и никто не знал, что это была последняя ночь Володи.

В полночь деревня была охвачена кольцом карательного отряда. Началось избиение людей, не пожелавших выдать спрятанных партизан. В перестрелке был насмерть сражен друг и соратник Володи, комсомолец К. Сам Куриленко, раненный в голову и в живот, продолжал отстреливаться. Каратели подожгли дом. Пламя хлестнуло в окна, зазвенело стекло, черная бензиновая копоть заструилась в нежнейшем дыхании ночи. Тогда другой товарищ Володи, владевший языком врага, крикнул по-немецки в окно:

— В своих стреляете, негодяи!.. Кто, кто стреляет?

Пальба прекратилась, и в этот краткий миг передышки Куриленко с товарищем выскочили из избы на огород, не забывая при этом унести и оружие убитого.

Кое-как они дотащились до соседней деревни. Незнакомая Володе смертная слабость овладела его телом. «Так вот как это бывает!.. Ничего, крепись, партизан! Чапаю было еще труднее, когда он боролся один на один со смертью и воды Урала тянули его вниз». Крови становилось меньше, он уже не мог стоять, когда добрались до деревни. Неизвестный друг запряг лошадь и положил, сколько влезет, соломы на дно телеги. Двинулись в путь медленно, чтоб не увеличивать муки раненого. Лошадь шла шагом.

— Крепись, крепись... Еще немного, Володя,— шептал товарищ.

Откинув голову, ослабев от потери крови, Куриленко лежал в телеге. Тысячи самых красивых, самых здоровых девушек в стране без раздумья отдали бы кровь этому герою. Но не было никого кругом, кроме друга, бессильного помочь ему, да еще великого утреннего безмолвия. Затылок с непокорными юношескими вихрами, смоченными кровью, лежал на задке телеги, и голубой взор был устремлен в бесконечно доброе небо Родины, едва начинавшее голубеть в рассвете.

Он слышал все в этот час: всякий шорох утра, каждый запах, веявший с поля, треск сучка, шелест земли, разминаемой колесом, просвист птичьего крыла над самым ухом... И уже бессильный повернуть голову, он узнавал по этим

бесценным мелочам облик того, что так беззаветно и страстно любил. Боль уже прошла, но это означало приближение смерти. Только легкая и острая тоска по Родине, покидаемой навсегда, теплилась в этом молодом холодеющем теле. Вот оборвалась и она...

Такова последняя строка в анкете Героя.

«Не долго жил, да славно умер»,— говорит русская древняя пословица. Он умер за семь месяцев до своего совершеннолетия...

Прощай! Отряд твоего имени отомстит за тебя на Смоленщине.

Не плачь о Володе Куриленко, современник. Копи в себе святую злобу. Но вспомни о нем, когда ты будешь идти в атаку или почувствуешь усталость, долгую военную смену стоя у станка. Это придаст тебе ярости и силы. На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!

1942 г.